

Князь А.К. Толицын

КОМУ ЖЕ ВЕРИТЬ?

Правда
и ЛОЖЬ
о захоронении Царской Семьи

Андрей Кириллович Голицын Кому же верить? Правда и ложь о захоронении Царской Семьи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14820162

Кому же верить? Правда и ложь о захоронении Царской Семьи / Князь

А.К. Голицын. – 2-е изд., доп.: Грифон; Москва; 2013

ISBN 978-5-98862-123-2

Аннотация

2013-й год – юбилейный для Дома Романовых. Четыре столетия отделяют нас от того момента, когда вся Россия присягнула первому Царю из этой династии. И девять десятилетий прошло с тех пор, как Император Николай II и Его Семья (а также самые верные слуги) были зверски убиты большевиками в доме инженера Ипатьева в Екатеринбурге в разгар братоубийственной Гражданской войны. Убийцы были уверены, что надёжно замели следы и мир никогда не узнает, какая судьба постигла их жертвы. Это уникальная и по-настоящему сенсационная книга. В её основу легли воспоминания князя А.К. Голицына, участвовавшего в работе Комиссии по идентификации найденных под Екатеринбургом «Царских останков» с момента её создания. Автор убедительно (с помощью

многочисленных документов) доказывает необъективность подходов и методов работы государственной Комиссии в отношении идентификации найденных под Екатеринбургом останков, якобы принадлежащих Царской Семье. Таким образом, вопросы, кого именно похоронили в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга и где именно подлинное местонахождение останков Царской Семьи и их верных слуг, и сейчас остаются открытыми.

Содержание

От издательства	6
«Фальшивонотчики»	9
Часть I	62
«Дело» Н.А. Соколова против «Записки» Юровского – Покровского	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Князь Андрей Кириллович Голицын Кому же верить? Правда и ложь о захоронении Царской Семьи

Размышления бывшего члена Правительственной комиссии о судьбе Императора Николая II и членов Его Семьи, зверски убитых большевиками в доме инженера Ипатьева в июле 1918 года, и об останках, извлечённых в 1991 году в Поросёнковом Логу на Старой Коптяковской дороге в двенадцати верстах от города Екатеринбурга

Перевод резюме на английский язык А.М. Болотиной

От издательства

Это уникальная и по-настоящему сенсационная книга. В её основу легли воспоминания А.К. Голицына, бывшего членом Комиссии по идентификации «Царских останков» с момента её создания и вплоть до расформирования, а также анализ фактического материала, связанного с ходом расследования.

Автор убедительно доказывает необъективность подходов и методов работы Государственной комиссии как в отношении сбора и способов обработки исторической и криминалистической информации, так и в отношении идентификации найденных под Екатеринбургом останков, якобы принадлежащих Царской Семье.

Вне зависимости от того, каким будет результат противоборства стороны, заинтересованной в «полном и окончательном» закрытии этого вопроса, и стороны, для которой Истина – не пустой звук или отвлечённое понятие, книга останется свидетельством нашей непростой эпохи.

Таким образом, вопросы, кого именно похоронили в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга и где именно подлинное местонахождение останков Царской Семьи и их верных слуг, и сейчас остаются открытыми.

Возможно, до конца прояснить эту загадку не удастся никому. Или – действительно это произойдёт с Божьей помо-

щью.

Предлагаем труд А.К. Голицына на суд читателей.

Эмалевый крестик в петлице,
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица,
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

Георгий Иванов

...Здесь кедр
топором перетроган,
зарубки
под корень коры,
у корня,
под кедром,
дорога,
а в ней —
император зарыт.
Лишь тучи
флагами плавают,
да в тучах
птичье вранье,
крикливое и одноглавое,

ругается вороньё.
Прельщают
многих
короны лучи.
Пожалте,
дворяне и шляхта,
корону
можно
у нас получить,
но только
вместе с шахтой.

Владимир Маяковский

«Фальшивонотчики»

(Вместо предисловия)

Растянувшаяся уже более чем на двадцать лет история с обнаружением так называемых «царских» останков и их идентификацией не только не пролила свет на таинственные обстоятельства расправы с телами умученных членов династии и их слуг, но, наоборот, дополнительно породила огромное количество вопросов.

К моменту сенсационной публикации Г. Рябова в 1989 году эта тема была отражена разве что в недоступной широкому читателю книге следователя Н. Соколова и в ряде также раритетных зарубежных публикаций мемуарного характера (М. Дитерихс, П. Жильяр, П. Пагануцци, Р. Вильтон и др.). Теперь же ей посвящены сотни газетных и журнальных статей, брошюры, книги, телевизионные и документальные фильмы, радиопередачи, публикации в Интернете и т. п. Однако, вопреки известному диалектическому закону, количество в данном случае явно не переросло в качество: для непредвзятого стороннего взгляда история Царских останков стала ещё более запутанной, туманной и загадочной.

И дело вовсе не в том, что эти публикации отличаются диаметрально противоположными гипотезами, утверждениями и выводами. Проблема здесь в используемой системе до-

казательств, при которой игнорируются элементарные нормы обращения с исследуемыми материалами и прослеживается тенденция выдавать желаемое за действительное. Создаётся впечатление, что вначале набрасывается некая конкретная версия произошедших событий, а потом к ней подгоняются подтверждающие её аргументы и свидетельства. А те, которые ей противоречат, либо замалчиваются, либо «опровергаются» далеко не научными методами.

Позволю себе и я изложить собственную версию трагических событий той страшной екатеринбургской ночи с 16 на 17 июля 1918 года и не менее страшных следующих дней. Но при этом я не стану привлекать для её доказательства устраивающие меня аргументы. Во-первых, потому, что у меня их просто нет. А во-вторых, потому, что цель моей реконструкции заключается исключительно и только в том, чтобы показать: именно при таких обстоятельствах можно проследить логику в странных, а порой даже в неадекватных действиях как первооткрывателей останков, так и тех, кто их исследовал.

Итак, вот какой представляется мне картина тех событий: после ночного расстрельного кошмара трупы увозятся под утро из подвала Ипатьевского дома в урочище Четырёх Братьев. Там головы членов Царской Семьи отделяются от тел и помещаются в банки со спиртом, а тела расстрелянных подвергаются долгой мяснической обработке – измельчаются, растворяются в кислоте и сжигаются дотла. В резуль-

тате остаётся лишь пепел и небольшое количество мелких костных фрагментов, отысканных Н. Соколовым и позднее увезённых им в эмиграцию. Банки с головами доставляются в Москву, причём голова Государя предъявляется лично Ленину в качестве доказательства совершённой казни и хранится в сейфе его кабинета¹.

После смерти Ленина голова Государя передаётся в одно из государственных хранилищ, где превращается в череп и хранится до самых перестроечных времён. В эту вольнолюбивую эпоху кому-то и почему-то в высших эшелонах власти захотелось «возникнуть» с монархической темой и заодно навеки закрыть будоражившую широкие круги тему жестокой ритуальной расправы большевиков с трупами. Хотя не будем исключать и более прагматичную версию о политическом заказе. Если, конечно, верить слухам о словах Королевы Елизаветы, адресованных однажды М. Горбачёву: «Я не ступлю ногой в Россию, пока мои Августейшие русские родственники не будут похоронены по-христиански».

Так или иначе, осуществление этой идеи поручается Г. Рябову, советнику бывшего министра МВД СССР, писателю и сценаристу, автору нескольких телевизионных сериалов. Он

¹ Здесь я должен сказать как сторонникам, так и противникам версии пресловутого «ритуального убийства»: зря вы, господа, ломаете копыя в жарких схватках, потому что отрезанные головы ни с какой «ритуальностью» (ни с языческой, ни с иудейской, ни с мусульманской) никак не связаны. У отрезанных голов только один смысл: они всего лишь отчётные вещественные доказательства исполнителей казни перед её заказчиками!

придумывает хитроумный сценарий, сюжетную канву которого излагает в сенсационном газетном интервью приблизительно в таком смысле: никаких голов никто не отрезал, никого в кислоте не растворяли и не жгли. Я, мол, сумел с помощью высоких связей сначала раздобыть путеводную записку Юровского, а потом вместе с геологом А. Авдониным разыскать и сам могильник, где все косточки со всеми головами целёхонькими лежат под спудом.

Затем, строго по сценарию, проводится кропотливая работа по отысканию (в соответствии с хорошо известными антропометрическими данными, полом и возрастом) останков современников тех, кто был расстрелян в Ипатьевском доме. Эти останки вместе с подложенными к ним подлинными черепами закапываются в заново организованном неподалёку, но не в самой Ганиной Яме, могильнике. Далее, при поддержке на редкость услужливых советских СМИ, организуется бравурная пиар-кампания Рябова и Авдолина по раскручиванию общественного мнения. Её главный лейтмотив – «восстановить историческую справедливость и перезахоронить несчастных жертв революции с должными почестями!»

Повторюсь ещё раз, что, при всей кажущейся фантазмагоричности предложенной реконструкции, именно она логически оправдывает и объясняет как непоследовательность в действиях защитников версии подлинности екатеринбургских останков, так и возникавшие по ходу расследования

неурядицы и недоразумения.

При здоровом, непредвзятом подходе все эти алогичные действия, непоследовательности и недоразумения воспринимаются нормальным сознанием как коробящие фальшивые ноты. И таких фальшивых нот в истории с обнаружением и изучением останков прозвучало немало из уст большого числа людей самых разных профессий и рангов. Последних я условно назвал «фальшивонотчиками». О каких же фальшивых нотах речь?

1. Первая фальшивая нота, относимая мной к разряду досадных для «фальшивонотчиков» недоразумений, связана с размолвкой между Рябовым и Авдониным, которые в какой-то момент вдруг неожиданно начали противоречить друг другу в изложении официальной версии. Особо отмечу при этом таинственное и безвозвратное исчезновение из поля зрения общественности (причём в разгар самых бурных дискуссий о подлинности останков!) главной ключевой фигуры – первооткрывателя Гелия Рябова, который с того момента так более уже никогда на публике не объявился, если не брать в расчёт его молчаливое присутствие на пышной церемонии похорон в 1998 году. Логично предположить, а может быть, даже и утверждать, что кинодраматург, имеющий обыкновение мыслить творчески и образно, позволял себе слишком вольное обращение с «состряпанной» версией и мог по неосторожности проговориться в какой-либо де-

тали. А вот конкретно мыслящий и не склонный к фантазиям геолог Авдонин воспроизводил «легенду» всегда строго по букве. Именно поэтому, после случившейся между ними размолвки и при возникшей необходимости выбрать кого-то одного в качестве действующего лица монтируемого публичного спектакля, предпочтение было отдано второму. А первый, несмотря на лавры первооткрывателя, оказался удалённым невидимой рукой в глухую тень забвения и остракизма.

С момента первой публикации о найденных под Екатеринбургом скелетах вплоть до недавних сообщений об обнаруженных останках последних двух Царских детей прошло уже 20 лет. А «великий» первооткрыватель всё продолжает свое молчание, хотя вполне естественно было бы ожидать его публичной реакции на обретение останков, приписываемых Великой княжне Марии Николаевне и Цесаревичу Алексею Николаевичу. Ан нет! Тайнственное, загадочное безмолвие продолжается. Лично меня ореол этой таинственной загадочности поразил ещё в 1997 году после нашей случайной встречи, когда Гелий Трофимович, в ответ на моё недоумение по поводу его внезапного исчезновения, сказал:

– Моё дело заключалось в поиске и нахождении места захоронения. А всё остальное – от лукавого...

2. Здесь нелишне поведать о другой фальшивой ноте, связанной с историей моего знакомства с Г. Рябовым и ярко отображающей тот факт, что вокруг найденных останков с

самого начала то и дело возникали какие-то неестественные ситуации, несуразицы, «нестыковки».

Полагаю, что дожившему до нынешних времен бывшему советскому человеку трудно будет себе представить сотрудника МВД СССР (причём высокопоставленного!), делающего три земных (!) поклона перед иконой в доме у совершенно незнакомых людей. Даже монахи при входе в помещение с образами ограничиваются всего лишь крестным знаменем. А ведь речь идёт не о наших днях, когда соблюдение церковных обрядов стало привычной нормой поведения первых лиц государства, а о вполне кондовом советском времени конца 1980-х годов.

И, тем не менее, это реально произошло у меня на глазах в моей московской квартире в приснопамятном 1989 году. А поклоны бил ближайший помощник бывшего главы МВД СССР Щёлокова Гелий Трофимович Рябов. И, как я теперь понимаю, бил с единственной целью: убедить меня в своей непоколебимой верности православию и монархическим убеждениям. А это, в свою очередь, ему нужно было для того, чтобы я расположил к нему проживавшего в Париже Главу Императорского Дома Великого князя Владимира Кирилловича, которому мне довелось в ту пору служить доверенным лицом и официальным представителем в России.

Расположение Главы Дома ему было действительно крайне необходимо. Потому что опубликованная им незадолго до

того в газете «Московские новости»² статья о сенсационной находке останков Царской Семьи вызвала в обществе весьма противоречивые отклики, большая часть которых сводилась к неприятию доводов автора и отрицанию самого факта обнаружения захоронения. Особый скепсис по этому поводу царил в кругах церковной общественности. Поддержка со стороны авторитетной фигуры Великого князя могла бы в корне изменить отношение к затеянной им масштабной аванюре. Уверен, что именно эти соображения и натолкнули его на мысль о столь нетипичных для советского милиционера «телодвижениях» перед святыми образами. В любом случае на нас с женой эти неловкие коленопреклонения произвели эффект той самой коробящей фальшивой ноты.

За чашкой чая Гелий Трофимович изложил суть своей просьбы: передать Великому князю приглашение войти в состав учреждаемой им в Москве общественной организации «Обретение», цель которой состояла в объективной идентификации найденных останков.

– Вчера, – сказал он, – мне удалось получить одобрение

² Весьма, с моей точки зрения, символично, что первоначальный импульс всей истории с обнаружением и исследованием екатеринбургских останков был дан именно этим органом советской печати. Называемая в широких слоях не иначе как «Масонские новости», эта газета ещё на самых ранних этапах перестройки стала рупором тех диссидентских сил, которые, в отличие от патриотически настроенной среды инакомыслящих, изначально «целили в Россию, а не в коммунизм!» О противоборстве между этими двумя направлениями диссидентского движения в СССР А.И. Солженицыным написана убедительная статья под названием «Нашим плюралистам».

и поддержку моей инициативы со стороны заведомо ЦК В. Фалина, который считает, что таким образом Его Высочество получит возможность привлекать любых авторитетных экспертов, дабы исключить какую бы то ни было фальсификацию при исследовании.

И он протянул мне отпечатанный на машинке текст Устава будущей организации для отправки в Париж.

Должен сказать, что в устах помощника советского министра слова «Его Высочество» прозвучали тоже нарочито и фальшиво. И уж совсем фальшивой показалась мне попытка уговорить Великого князя войти в состав организации, Устав которой был весь испещрён бросающимися в глаза и подзабытыми теперь советскими аббревиатурами: ЦК КПСС, МВД СССР, КГБ СССР и т. п.

И я не ошибся. Великий князь с первого же взгляда на текст Устава сказал, что полностью исключает для себя возможность участия в подобной структуре. Мне пришлось долго его уговаривать, убеждая в том, что расчёт организаторов этой затеи как раз и строился на получении его отказа.

– А потом, – настаивал я, – они создадут нужную им комиссию с «послушными» экспертами и будут трубить о том, что, несмотря на все уговоры и старания, им не удалось привлечь к работе Главу династии как гаранта объективности идентификационного расследования.

В конце концов, после консультаций со своим духовником, архиепископом Антонием Женевским, который тоже

разгадал рябовский маневр, Великий князь дал согласие. Поэтому мне не пришлось испытать ровно никакого удивления, когда, вернувшись из Парижа и сообщив Г. Рябову о решении «Его Высочества», я услышал:

– Увы, сегодня утром всё радикально изменилось. Меня вызвал Фалин и категорически запретил что-либо учредить...

«Ловушка» не сработала! Любопытно, однако, что, вопреки мифическому приказу В. Фалина, общественная организация «Обретение» очень вскоре оказалась благополучно зарегистрированной с «нужным» составом учредителей. Таким образом, сам факт хитроумного маневра Г. Рябова уже не вызывал у меня никакого сомнения. Ведь в те времена послушаться грозного заведомо ЦК рискнули бы немногие!

3. Теперь по поводу непоследовательности в действиях исследователей останков. Ещё перед началом каких-либо исследовательских процедур скептически настроенные в отношении официальной версии люди настаивали на том, чтобы вскрытие могильника происходило в присутствии не просто достаточного числа свидетелей, но непременно с участием специалистов-геологов. Последним надлежало исследовать земляные пласты захоронения, чтобы выяснить: а) когда сформировались эти пласты? и б) случались ли более поздние вмешательства в них?

Однако в реальности вскрытие могильника было прове-

дено тайно взводом солдат под покровом тёмной ночи и под проливным дождем! Как будто кому-то очень захотелось оставить эти вопросы навсегда безответными. Потому что все эти пласты в выкопанной под дождём яме превратились просто в глиняную жижу под месившими их солдатскими сапогами. Трудно поверить, чтобы сторонники версии подлинности найденных останков добровольно лишали себя столь неоспоримого и веского доказательства, если бы могильник действительно был сформирован в июле 1918 года. То есть в данном случае принятое решение о раскопке могильника в условиях секретности, дождливой погоды и отсутствия экспертов-геологов нельзя не признать нелогичным и непоследовательным. А вот если дело обстояло так, как оно выглядит в моей реконструкции, то, наоборот, эти люди приняли единственно правильное для себя решение, раз и навсегда уничтожив геологические улики.

4. 1993 год. Во властных структурах активно дебатруется вопрос об эксгумации в соборе Петропавловской крепости останков брата Императора Николая II Великого князя Георгия Александровича. Цель – получение фрагмента для сравнительного генетического исследования. Российская общественность и Церковь выступают против эксгумации. Русская Зарубежная Церковь вместо эксгумации предлагает хранящиеся у неё ватные тампоны с кровью замученной в Алапаевске Великой княгини Елизаветы Федоров-

ны, родной сестры Императрицы Александры Фёдоровны, справедливо считая эту кровь более ценным материалом для сравнительного анализа, поскольку в этом случае появлялась возможность сопоставления ещё и по дополнительному параметру, а именно – по гемофилии, передаваемой только по женской линии.

Однако фальшивая нота прозвучала и в этом эпизоде. По непонятным причинам предпочтение было отдано не бесплатному и ценнейшему сравнительному материалу, а дорогостоящей процедуре эксгумации ради получения гораздо менее значимого образца! Спрашивается, где здесь элементарная логика?

Замечу попутно, что, по мнению судмедэкспертов, оспаривающих официальные результаты экспертизы, извлечённый при эксгумации фрагмент останков Великого князя Георгия Александровича не был должным образом оформлен для хранения и транспортировки, как того требуют строгие правила при подобных процедурах. И поэтому ни у кого нет никакой уверенности в том, что этот фрагмент вообще подвергался сравнительному анализу. Впрочем, не может быть уверенности также и в том, что эксгумированные фрагменты не выдавались за «екатеринбургские». Ведь в этом случае любые генетические экспертизы дали бы «фалыпивонотчикам» гарантированные результаты!

5. Следующая фальшивая нота связана с сенсационными

интервью судебно-медицинских экспертов, весь июнь 1992 года будораживших печатные и электронные СМИ заявлениями о 100-процентном доказательстве подлинности обнаруженных останков. Оказалось, что столь смелые выводы делались исключительно и только на основании метода «точечного совпадения», который, по общему мнению серьёзных ученых, достоверен всего лишь на 8-10 процентов!

Да и вообще этот метод применяется на практике лишь после получения более чем 80-процентного положительного результата за счёт других, более убедительных идентификационных процедур. И признаётся не в качестве определяющего, а лишь в качестве подтверждающего доказательства.

6. Академик РАН и член Правительственной комиссии по идентификации останков В. Алексеев потребовал у Комиссии проведения исторической экспертизы, в частности – тщательного изучения выводов, сделанных по свежим следам екатеринбургского злодеяния следователем Н. Соколовым. Ему, однако, было прямо сказано, что ни о какой исторической экспертизе не может быть речи и что выводы следователя Н. Соколова никого не интересуют из-за якобы крайней тенденциозности его позиции. Фальшивее, по-моему, не spoёшь...

7. А когда дело дошло до исследований останков на генетическом уровне, то отдельные фальшивые ноты уступи-

ли место уже целым «аккордам». Например, выяснилось, что наши горе-генетики и следователи по особо важным делам возили по мировым лабораториям костные фрагменты, просто завернув их в тряпочки и разложив по кармашкам своих спортивных сумок! А ведь в судебно-медицинской экспертизе проведение подобных процедур регламентировано весьма строго: каждый малейший объект исследования перед транспортировкой опечатывается и пломбируется в присутствии свидетелей и точно так же распечатывается при доставке.

Спрашивается, кто их проверял, когда они возили по лабораториям Англии и США все эти фрагменты? Ведь от одного и того же черепа вполне можно отщипнуть немало кусочков-фрагментов, выдавая каждый за принадлежащий разным людям. И быть при этом уверенным на все сто процентов в получении желаемого конечного результата. После столь серьёзного нарушения процедуры хранения и перевозки исследовательских фрагментов не совсем понятно, каким образом все эти следователи и генетики смогут переубедить меня, например, в том, что они возили по мировым лабораториям не кусочки от выкопанных под Екатеринбургом скелетов, а фрагменты, отпиленные от эксгумированных останков Великого князя Георгия Александровича?! Вот и хочется спросить: что с чем вы сравнивали в своих экспериментах, господа эксперты?!

8. Отдельно следует сказать о противоречивости и запу-

танности в истории пресловутой «Записки Юровского», которая почему-то существует в разных редакциях, одна из которых якобы написана рукой Покровского под диктовку якобы безграмотного Юровского. Но самое удивительное заключается в том, что ни одна из предлагаемых редакций этой «Записки» никаких решающих ориентиров для точного определения местонахождения захоронения не содержит. Ведь, по версии первооткрывателей захоронения, даже в 1991 году, приступив к раскопкам спустя 12 лет, они ошиблись в местонахождении могильника и копали почти целый день далеко в стороне от него!

Однако я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку он более чем основательно рассмотрен ниже в специальной главе исследования А.К. Голицына. Отмечу только, что, на мой взгляд, фальсификация «Записки» понадобилась всего лишь в качестве отправной точки для всей грандиозной авантюры. И тот факт, что «послушные» следователи не отнеслись с должной серьёзностью к её экспертизе, лишней раз доказывает, что речь идёт о фальшивке.

Все эти и многие другие фальшивые «ноты и аккорды» вызвали у людей, действительно почитающих светлую память царственных страстотерпцев, абсолютное неприятие официального «вердикта».

В помпезном захоронении в Петропавловской крепости чужих косточек под видом Царских останков я лично усматриваю продолжение того глумления, которому Августейшие

страдальцы подвергались последние полтора года их земной жизни.

Обо всём этом я успел сказать Борису Немцову до разрыва всяких с ним отношений. Ведь тогда именно он с присущей ему наглостью проигнорировал мнение значительной части Правительственной комиссии, а также всей полноты Русской Православной Церкви и, пользуясь властью первого вице-премьера, принял постановление о признании подлинности екатеринбургских останков и настоял на их захоронении в усыпальнице русских Помазанников.

Отмечу, что за всю многолетнюю политическую карьеру Немцову, как, впрочем, и всем его однопартийцам, удалось только две вещи: разорение общественного добра и приумножение собственного. На пике своего возраста-ни я во власти он публично клялся решить три проблемы: погасить долги по зарплате, провести реформу ЖКХ и пересадить чиновников с «Мерседесов» на «Волги».

По первым двум позициям результат оказался нулевым. Про третью позицию так сказать нельзя: один чиновник всё-таки ездил на «Волге». Это был сам Немцов, великий популист и демагог.

9. После постановления Правительственной комиссии о признании екатеринбургских останков в Госдуме состоялись слушания, в которых выступили все, кто категорически не признал столь волюнтаристского решения. Среди них было

немало крупных учёных, медиков, судмедэкспертов, генетиков, юристов, приводивших убедительные аргументы, опровергающие как непосредственно сами выводы Комиссии, так и способы их получения. Отсылаю интересующихся этой темой к изданному впоследствии сборнику, в котором опубликованы прозвучавшие на слушаниях доклады. В них фальшивые ноты «фальшивонотчиков» выявлены в огромном количестве. Однако самая громкая фальшивая нота послышалась мне тогда... в гробовом молчании со стороны наших оппонентов, которые ни на одно, я подчеркиваю – НИ НА ОДНО, аргументированное отрицание сделанных ими выводов не дали не только развёрнутого, но даже самого краткого возражения! Они сидели и слушали критику в свой адрес отстранённо и индифферентно, как бы говоря всем своим видом: критикуйте нас сколько угодно, господа хорошие, но принятое правительством постановление о перезахоронении вам уже не отменить...

10. Отгремели пафосные речи и громогласные интервью организаторов и участников торжественных похорон псевдоостанков в июле 1998 года. Тогдашняя антигосударственная власть, довольно потирая руки, закрыла уголовное дело по обстоятельствам убийства Царской Семьи, а православный народ не преминул по-своему отреагировать на пышную акцию. Он просто проигнорировал появление в притворе Петропавловского собора новоявленных могил, хотя по-

читание им Царственных мучеников не переставало усиливаться. Причём настолько, что спустя всего два года церковное священноначалие посчитало необходимым завершить, наконец, неоправданно затянувшуюся на целое десятилетие процедуру их причисления к лику всероссийских святых.

Время шло, но и после канонизации притвор Петропавловского собора всё не становился местом массового паломничества православного люда, традиционно весьма охотно посещающего святые могилы независимо от степени их удалённости. Огорченные «фальшивонотчики» перешли к тактике умолчания: ни выступлений, ни статей, ни интервью. И даже никаких реплик или опровержений, когда в разных странах (в Японии, в США, в Англии) время от времени вдруг появлялись сообщения о результатах перепроверок генетических и прочих экспертиз, которые признавались малоубедительными или вовсе сфальсифицированными. Так продолжалось почти десять лет.

И вдруг – сенсация! В июле 2007 года поблизости от Коптяковской дороги обнаружены косточки общим весом в 70 граммов. И история стала повторяться практически по всем пунктам. Потому что сразу же, до всякой генетической или иной экспертизы, эти косточки со **сто процентной** уверенностью объявляются останками Цесаревича Алексея Николаевича и Великой княжны Марии Николаевны! Потому что снова исследования проводятся в закрытом режиме, без участия независимых экспертов! Потому что вновь удаляется в

ть забвения фигура первооткрывателя, на сей раз не только Г. Рябова, но и А. Авдони́на! Потому что только через год, в 2008 году, почему-то вдруг выяснилось, что в Эрмитаже хранится рубашка Государя с его кровью после полученного в Японии ранения (хотя заместитель директора Эрмитажа Г.В. Вилинбахов, по собственному его свидетельству, знал о наличии её в Эрмитаже будучи ещё студентом)! Потому что вновь наступает неожиданная пауза, растянувшаяся уже на четыре года, в течение которых якобы доказанные всеми мыслимыми экспертизами останки Царских детей хранятся в холодильнике то ли морга, то ли судебно-медицинской лаборатории! И наконец, потому что опять зазвучали знакомые фальшивые ноты!

Отмечу только, что предыдущие фальшивые ноты в сравнении с нынешними даже обладателю абсолютного музыкального слуха могут показаться верхом благозвучия. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с двумя недавно вышедшими из печати произведениями: с тонюсенькой брошюрой В.Н. Соловьёва «Тайны старой Коптяковской дороги» (2010 г.) и с толстенной книгой Наталии Розановой «Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба» (2008 г.).

Начнём с В.Н. Соловьёва. Читатель, вероятно, уже догадался, что речь идёт о том самом следователе по особо важным делам, который не сходил с газетных полос и телеэкранов в течение всего времени работы Комиссии по идентификации екатеринбургских останков вплоть до их захоронения

в 1998 году. И который после девятилетнего пребывания в тени вновь объявился на публике в 2007 году, чтобы проинформировать общественность о найденных под Екатеринбургом 70 граммах косточек, принадлежащих, по его утверждению, «вне всякого сомнения, Царским детям».

Прежде чем прокомментировать некоторые фальшивые рулады, прозвучавшие в брошюрке следователя, хотелось бы сказать несколько слов о нравственной позиции этого человека с точки зрения верности профессиональному принципу беспристрастности в ведении следствия и установлении истины.

В 1995 году мне стало известно, что руководитель службы безопасности президента генерал А.В. Коржаков с доверием воспринимает скандальные заявления г-на Дальского, выдававшего себя за сына чудом выжившего Цесаревича Алексея Николаевича и требовавшего признания своей персоны в качестве законного наследника российского престола. Мне удалось не только лично переговорить с генералом, но и убедить его в том, что г-н Дальский, скорее всего, спутал реальную историческую фигуру Цесаревича с вымышленным персонажем, известным под именем лейтенанта Шмидта. Попутно я попросил его вмешательства в работу Правительственной комиссии по идентификации екатеринбургских останков, которая уже тогда, под давлением возглавлявших её нескольких вице-премьеров, весьма тенденциозно и часто бездоказательно склонялась в пользу призна-

ния подлинности останков, безапелляционно отвергая справедливые протесты со стороны инакомыслящих членов Комиссии.

Нелишне будет заметить, что в тот момент генерал А.В. Коржаков, в силу известных особенностей своего прямого начальника, испытывавшего к нему полное доверие, нередко подменял его де-факто на высшем государственном посту и поэтому пользовался непререкаемым авторитетом среди чиновничьего люда. Именно на это я и рассчитывал, когда просил его воздействовать на работу Правительственной комиссии в сторону более объективного рассмотрения основного вопроса.

– Я откомандирую одного из моих сотрудников, которому поручу собрать вместе с вами побольше конкретного материала о ходе расследования, чтобы затем уже предметно переговорить с главой Комиссии, – сказал А.В. Коржаков.

Этим сотрудником оказался умнейший Алексей Анатольевич Милованов, с которым и по сей день меня связывают близкие дружеские отношения. Я быстро ввёл его в курс дела, рассказав не только о тенденциозности руководителей Комиссии, но и о предвзятости позиции следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры В.Н. Соловьёва, напрочь игнорировавшего выводы Н. Соколова. А ведь он имел возможность допрашивать многих участников и свидетелей кровавой расправы в Ипатьевском доме по самым свежим следам!

– Пожалуй, с него и начнём, – предложил А. А. Милованов. – Я могу позвонить ему, представиться и договориться о встрече.

До этого мне уже несколько раз доводилось спорить с В.Н. Соловьёвым до хрипоты, всякий раз поражаясь легковесности его аргументов и склонности выдавать желаемое за действительное. Поэтому я стал уговаривать А.А. Милованова пойти к нему инкогнито, просто в качестве моего друга и единомышленника, чтобы, не вспугнув следователя присутствием официального лица, дать ему высказаться. Я был уверен, что и на этот раз он обнаружит поверхностность суждений и предвзятость подходов к ведению следствия.

Так мы и поступили. В течение получаса мой новый друг внимательно и молча слушал нашу бурную перебранку. И вдруг, поймав следователя на каком-то противоречивом высказывании, вмешался в разговор:

– Владимир Николаевич, вы же сначала говорили иначе! Как это понимать?

– Ну, вот ещё один эксперт выискался, – раздражённо отреагировал В.Н. Соловьёв. – Вы что, тоже из Дворянского собрания?

А.А. Милованов подошёл к нему и предъявил удостоверение сотрудника всеильной тогда службы безопасности президента России. Воцарившееся тягостное молчание здорово смахивало на гоголевскую «немую сцену».

– Меня прислал к вам Александр Васильевич Коржаков, –

сказал А.А. Милованов. – Ему не совсем понятно, почему следствие столь упорно игнорирует мнения оппонентов и вместо обоснованных, аргументированных ответов на их возражения занимается отписками и голословными опровержениями их доводов?!

Тут-то следователь по особо важным делам Генпрокуратуры и явил свою «высокую» принципиальность и «непоколебимую» верность идее независимого и беспристрастного следственного процесса.

– Дорогой Алексей Анатольевич, – с робким возмущением воскликнул он, – какие же указания мне выполнять?! Я что-то не пойму... Нельзя ли, в конце концов, чётко определиться и однозначно сказать, каким должно быть заключение следствия? Так и передайте. Я сделаю всё в лучшем виде...

Забавно, что, встретившись с В.Н. Соловьёвым за ужином спустя 15 лет (летом 2010 года), я напомнил ему после третьей рюмки об этом эпизоде и спросил, как он отреагирует, если я предам гласности те его высказывания.

– А я не собираюсь ничего отрицать, – ответил следователь. – У меня есть чёткое объяснение той моей позиции. Так что напрасно меня пугаете!

Что ж, посмотрим, услышим ли мы это чёткое объяснение. Скорее всего, думается мне, верх возьмёт та же самая тактика умолчания, к которой не раз прибегали в затруднительных случаях «фальшивонотчики» всех рангов: ви-

це-премьеры, следователи, судмедэксперты, генетики и далее по списку.

Теперь перейдём к фальшивым нотам, которыми изобилует брошюрка этого услужливого искателя «истины». Во-первых, выясняется, что, ко всему прочему, ему не чуждо заимствование чужих мыслей, выдаваемых за собственные, что на языке его профессии именуется простым словом «плагиат». На странице 8 своей брошюры В.Н. Соловьёв пишет: «Соколов Н.А. не хотел передавать материалы Тирсу М.Н., которому не доверял по политическим причинам, но был вынужден подчиниться воле Великого князя Николая Николаевича».

Все эти закавыченные здесь слова даны в брошюре без всяких кавычек от лица автора, хотя принадлежат они парижскому исследователю екатеринбургской трагедии Николаю Россу и были опубликованы издательством «Посев» почти на четверть века раньше (в 1987 году) на 16-й странице его книги «Гибель Царской Семьи». В менее явном виде вся 8-я страница брошюры – сплошной плагиат 16-й страницы книги Н. Росса.

Однако главная фальшивая нота всей брошюры В.Н. Соловьёва состоит в том, что он, прекрасно понимая более чем слабую доказательность своих аргументов в пользу защищаемой версии, пытается эмоционально воздействовать на сознание православной общественности умилительными, с его точки зрения, подробностями, ровно никакого света не про-

ливающими ни на юридические, ни на исторические, ни на криминалистические или идентификационные аспекты основной проблемы.

Зачем, спрашивается, далёкому от Церкви автору понадобилось ударяться в мистику и рассказывать о некоей жительнице Украины, видевшей несколько раз один и тот же сон, в котором «к ней приходила (воцерковлённый человек сказал бы не “приходила”, а “являлась”! – З. Ч.) Богородица и говорила о том, что нужно искать останки Царских детей неподалеку от первого захоронения» (С. 54)? Неужели только ради того, чтобы сообщить читателю о счастливом совпадении: «письмо этой православной женщины пришло в адрес Генеральной прокуратуры за несколько дней до того, как были найдены останки»? Во-первых, как выяснилось, сама Генпрокуратура была уведомлена о находке останков «лишь спустя десять дней после окончания раскопок». Следовательно, поисковики никак не могли воспользоваться столь «ценной» информацией. Во-вторых, невооружённым глазом видно, что автора вообще не волнует вопрос о реальной роли украинской «православной женщины» в нахождении захоронения. Почему? Да просто потому, что интерес его лежит совсем в иной плоскости. Ему крайне важно донести до сознания верующих людей, что останки были обнаружены по прямому вмешательству Божией Матери. Ведь в этом случае не только отрицание подлинности останков, но даже малейшее в ней сомнение становится тягчайшим грехом и кощун-

СТВОМ!

А вот ещё одна яркая и откровенная апелляция к верующему сознанию. Автору задают вопрос: «Расскажите подробнее об идентификации останков двух человек, найденных в районе “мостика из шпал” в 2007 году». Развёрнутый ответ настолько елейный и коробящий ухо своей фальшивостью, что я не могу отказать себе в удовольствии процитировать его полностью. Читайте и умиляйтесь!

«В 2004 году по моей просьбе в одном из монастырей была написана икона Цесаревича Алексея с птичкой (пунктуация авторская. – З. Ч.). Перед ней молились мои товарищи в надежде найти Царственных брата и сестру. Вторая икона – Христа Вседержителя (Спаса Вседержителя! – З. Ч.) – во время предыдущих исследований находилась рядом с останками Царской семьи. Эти две иконы сопровождали частицы праха Императорской семьи и слуг, когда я вылетел с ними в Екатеринбург в сентябре 2007 года. С иконой Цесаревича произошла интересная история. В конце 2007 года ко мне обратились монахини и священник из США. Они рассказали, что на протяжении трёх лет молились у списка подобной иконы в Храме Господнем в Иерусалиме и просили Господа помочь обрести мощи Цесаревича Алексея. Их интересовал вопрос, откуда появилась подобная икона. Я рассказал историю создания иконы и порадовался тому, что Господь услышал молитвы о Царской семье и её верных слугах» (С. 72).

Предоставляю читателю возможность самому определить

информативную ценность процитированного пассажа. Отмечу только, что следом за ним напрямую встык идёт абзац сугубо криминалистического свойства: о костях, о зубах, об антропологии, о воздействии кислоты, огня и т. п. Какую же функцию выполняют приведённые умилительные подробности? Разумеется, всё ту же – расположить к своей версии православный народ. А вась устремится он толпами в притвор Петропавловской крепости!

В другом месте В.Н. Соловьёв рассказывает о своей встрече с оптинским старцем Илием. Православной обществу хорошо известно, что этот старец ныне является духовником Святейшего Патриарха. Почему бы не воспользоваться столь авторитетной фигурой в собственных интересах? И вот автор пишет: «Я честно рассказал старцу о нашей трудной работе, закончившейся тем, что останки неизвестных людей из болотистого лога на окраине Екатеринбурга обрели своё настоящее имя. Старец Илий внимательно выслушал меня и посоветовал написать брошюру в виде вопросов и ответов» (С. 3).

Пусть старец вроде бы никак не высказывается по поводу доверия или недоверия к авторской версии о подлинности останков. Но ведь всё-таки «внимательно выслушал», «посоветовал»... И более того, с последней 80-й страницы брошюрки под фотографией, запечатлевшей автора с этим старцем в его келье, звучат душещипательные патетические слова, как бы подталкивающие читателя к мысли о том, что, ско-

рее всего, Илий всё-таки склонится к принятию авторской версии: «Мудрый старец, услышав мой рассказ о посмертной судьбе Царственных Страстотерпцев, промолчал и задумался. На всё воля Божья».

Боже, какая фальшь!

С аналогичной целью В.Н. Соловьёв публикует и свою фотографию, на которой он стоит рядом с Патриархом Алексием. «Что бы вы там ни говорили о неприятии Святейшим выводов идентификационной комиссии, а он ведь тоже, как видите, и “внимательно меня выслушивал”, и задумывался», – как бы внушает нам автор.

Теми же мотивами руководствуется следовательно по особо важным делам, когда пишет о находке 2007 года: «На раскопки были приглашены представители Русской Православной Церкви, которые совершили положенные службы на месте обнаружения человеческих останков и на протяжении всех исследований помогали археологам» (С. 57).

Здесь незадачливый автор умудрился в одной фразе сделать сразу несколько ляпов. Во-первых, совершенно очевидно, что духовенство приглашалось не на раскопки, а после раскопок и обнаружения косточек. Во-вторых, словосочетанием «положенные службы» он в очередной раз с головой выдаёт собственную невоцерковлённость. Потому что в подобных обстоятельствах совершаются не «положенные службы», а только одна служба, которая именуется панихидой. А в-третьих, совсем непонятно, каким образом люди с

семинарским образованием могут помогать в исследованиях учёным-археологам?!

«Ну что вы придираетесь к каким-то там формальным ляпам?» – скажете вы и будете правы. Конечно же, главное в этой фразе не ляпы, а её подспудный смысл, внушаемый православному народу: великое открытие совершилось не только по благословию Церкви, но и при её активнейшем участии! А как иначе после провальной эпопеи 1998 года увеличить кредит доверия к своим «открытиям» в глазах церковной общественности?!

Вообще следует сказать, что столь активная апелляция к подобным «лирическим отступлениям» бывает нужна только в тех случаях, когда ущербна сама доказательная база, когда приходится подтасовывать факты и прибегать к странному методу доказывать недоказанное недоказанным. Именно такой метод использует В.Н. Соловьёв в дискуссии с Ю.А. Бурановым, крупным учёным-историком, оспаривавшим подлинность пресловутой «Записки Юровского». Он отвергает его аргументы, утверждая, что «находка останков в 2007 году и экспертные исследования вещественных доказательств окончательно опровергли и без того неубедительные позиции Буранова и его сторонников».

Во-первых, находка 2007 года ещё далеко не доказана и поэтому, сама по себе, не может служить каким-либо доказательством другого спорного обстоятельства. А во-вторых, даже если она будет доказана бесспорно, то, на мой взгляд,

станет дополнительным аргументом в пользу того, что и от каждого из остальных тел осталось не более как 35 граммов обожжённых огнём и кислотой косточек!

На странице 64 В.Н. Соловьёв негодует по поводу негативной реакции доктора медицинских наук, профессора и протоиерея Сергея Вогулкина на поспешные и неоправданно мажорные (как и в случае с останками первого захоронения) выводы, которые были сделаны сразу после самых первичных исследований косточек, найденных в 2007 году. А между тем о. Сергей Вогулкин очень аргументированно и обстоятельно высказался насчёт чрезмерного и преждевременного оптимизма учёных-генетиков.

Он пишет: «Методика, которая была использована в уже проведённых генетических исследованиях, до сих пор ни одним судом в мире не признаётся как доказательство. Игнорируются результаты генетических экспертиз, проведённых в других странах и давших отрицательные результаты. Однозначный вывод звучит так: если бы сегодня в суд были представлены все материалы дела об убийстве Царской Семьи, то они были бы возвращены для дополнительного расследования».

Такое заключение привело следователя в невероятную ярость. В гневе он не стал искать каких-либо аргументов, опровергающих мнение ненавистного оппонента (впрочем, таковых, на мой непрофессиональный взгляд, скорее всего, и не существует), а отреагировал совсем в стиле склочной по-

тасовки известных персонажей Ильфа и Петрова, неуместно и не по делу переругивавшихся репликами типа «сам дурак!». Он пригрозил профессору-протоиерею Сергию Вогулкину и поддерживавшему его учёному-биологу из Екатеринбурга О.Г. Макееву тем, что... обязательно встретится с ними и задаст им «риторический вопрос, знают ли они хоть что-нибудь о таком понятии, как человеческая совесть?»!

Ну, разумеется, откуда православному священнику, да ещё и профессору, знать, что такое человеческая совесть. То ли дело следователь-криминалист! Только ему одному открыты глубины человеческой души, будь он хоть трижды плагиатором или угодливым чинушей, манипулирующим следствием по принципу «чего изволите». Потому что он знает больше. Он знает не только что такое совесть, но и что такое полное её отсутствие!

Теперь обратимся к книге Наталии Розановой, озаглавленной «Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба», которую В.Н. Соловьёв квалифицирует как «по-настоящему ценный научный труд» (С. 55). Внимательно ознакомившись с её содержанием, я смею утверждать, что к науке она не имеет ровно никакого отношения, потому что речь идёт о заурядном компилятивном сочинении, включающем выписки из различных идентификационных экспертиз и рассуждения по самым разным поводам с обильным цитированием всевозможных авторов и документов. А это вовсе не признак научности.

Примечательно, однако, другое. Все эти рассуждения носят подчёркнуто тенденциозный характер. Впечатление, будто автор выполняет чей-то заказ, требующий от него превращать в доказательство своих предположений любые аргументы, даже если они «притянуты за уши» и грешат явной противоречивостью.

Сошлюсь для примера на утверждение Н. Розановой о том, что сторонники версии о сожжении всех трупов выдвигают её исключительно ради доказательства ритуального характера расправы с жертвами екатеринбургского злодеяния. «Можно с уверенностью сказать, – пишет она, – что “крестьянская” версия о сожжении тел была принята Дитерихсом-Соколовым именно с целью обосновать концепцию убийства в контексте средневековой ритуальной легенды, приспособленной к нуждам политического расследования» (С. 404).

При этом она нисколько не отрицает, что два трупа были всё-таки сожжены. Что касается остальных, то они уцелели от огня по неким объективным причинам, а не потому, что убийцы принципиально не хотели их сжигать. По её логике получается, что если бы не эти «объективные причины», то сожгли бы всех. И что же, спрашивается, в этом случае следовало бы говорить именно о ритуальном убийстве? Чушь полная! И Дитерихс, и Соколов не хуже Розановой знали, что сожжение трупов убийцами ни о какой ритуальности не свидетельствует. Во все времена и во всех странах это был

классический способ заметания следов преступления, не более того. А в данном конкретном случае существовал ещё и мотив не позволить белым использовать останки в качестве знамени в их борьбе с красными. Так для чего же возникать с ритуальной темой? А просто для того, чтобы те, кому вздумается настаивать на версии сожжения всех трупов, чётко себе представляли, что рискуют попасть в список антисемитов, отстаивающих версию ритуального убийства!

Вообще говоря, автор чрезмерно преувеличивает антисемитский фактор как первопричину непризнания абсолютным большинством православного народа подлинности екатеринбургских останков. Ей, как более воцерковлённому, чем В.Н. Соловьёв, человеку, должно быть хорошо известно, что, в сравнении с другими социальными группами, среди верующих людей ксенофобские настроения распространены в наименьшей степени хотя бы потому, что они квалифицируются Церковью как сугубый грех. К тому же никто из её оппонентов не утверждает, что расстрел в подвале Ипатьевского дома был несомненным ритуальным убийством. Они просто настаивают на том, что этой версии следует дать обоснованное опровержение, не более того!

Тем не менее вся 7-я глава книги целиком посвящена антисемитскому фактору. И состоит она из 120 страниц, на которых почти нет цитирования других авторов, то есть она практически полностью написана самой Н. Розановой. Учитывая, что во всех остальных главах пространные цитаты и

публикуемые документы иногда составляют больше половины текста, можно сделать вывод, что одна 7-я глава – это почти 50 процентов всего, что написано самим автором. Вот и хочется спросить: зачем столько внимания откровенно малозначительному аспекту в столь разноаспектной проблеме, какой является проблема екатеринбургских останков? Создаётся впечатление, что изначально книга писалась под другим рабочим названием. Например, что-нибудь вроде **«Царские страстотерпцы – не ритуальные жертвы»**.

Здесь я позволю себе небольшое отступление сугубо автобиографического свойства. Впервые о леденящих кровь событиях в Ипатьевском доме я услышал в пятилетнем возрасте, когда мы ещё жили в эмиграции и готовились к репатриации в Советский Союз. В то время распространялась молва о том, что после расстрельного кошмара в подвале Великая княжна Анастасия Николаевна вдруг начала подавать признаки жизни и была заколота штыками сквозь подушку. Вспоминаю этот рассказ как первое в моей жизни серьёзное психологическое потрясение. Своим наивным детским сознанием я никак не мог взять в толк, как же она, бедняжка, не понимала, что подушка – плохой щит для острого металлического штыка...

После репатриации я успел поступить в первый класс советской школы, но вскоре нас репрессировали (конфисковав среди прочего и семейный фотоальбом с фотографией Царской Семьи на первой странице). На одном из уроков обожа-

емая мной учительница (я до сих пор помню, что её звали Татьяна Карповна) рассказала нам о «дедушке Ленине», который спасал животных, помогал бедным, заботился о больных и дарил детям щедрые подарки. Вернувшись из школы, я закатил родителям грандиозный скандал за то, что они скрывали факт существования этого «святого» человека.

У меня до сих пор перед глазами растерянный взгляд родителей. Моя мать взяла меня за руку и вывела во двор. Потом уже я узнал, что опытные советские люди предупредили родителей воздерживаться от «крамольных» тем внутри квартирных стен, в которые наверняка вмонтированы подслушивающие устройства. Во дворе тихим заговорщицеским голосом моя мать сказала:

– Ты помнишь про Великую княжну, которую закололи штыками? Так вот, это было сделано по приказу того самого человека. Только дай мне слово, что ты об этом будешь молчать! Иначе нам всем очень не поздоровится...

Это происходило в 1949 году. С того дня вплоть до момента спуска красного флага с купола Большого Кремлёвского дворца в декабре 1991 года я жил на родной земле внутренним эмигрантом.

Мне понадобился этот рассказ только для того, чтобы читателю было ясно, что я воспитан с младых ногтей в культуре мученического подвига Царственных страдальцев, к которым мои родители молитвенно обращались за заступничеством ещё в 20-е годы минувшего века, за многие десяти-

летия до официальной канонизации. Чтобы было ясно и то, что не только Н. Розановой, но мне тоже очень хотелось бы поклониться мощам глубоко почитаемых мною святых. Но, в отличие от неё, риск ошибки в определении подлинности этих мощей для меня *абсолютно недопустим*. К сожалению, после личного общения на эту тему с такими фигурами, как Немцов, Яров, Рябов, Соловьёв и компания, степень этого риска вырастает в моих глазах до гигантских масштабов.

Упоминавшийся мною выше Великий князь Владимир Кириллович, конечно же, более, чем кто-либо, был заинтересован в обретении мощей своих ближайших родственников (Государь был его двоюродным дядей). Но, как он говорил мне лично, даже если степень вероятности останков достигнет 99 процентов, то и в этом случае он не сможет дать согласия на признание их в качестве мощей. Я был поражен мудростью его суждения, когда он сказал:

– А зачем, собственно говоря, заниматься несвойственными церковной традиции манипуляциями с обнаруженными костями, подвергая их каким-то многосложным исследованиям? Разве не разумнее было бы просто оставить их под спудом и на месте найденного захоронения построить часовню, освятив её в честь новомучеников и исповедников российских? И тогда все те, кто склонен верить в принадлежность останков Царской Семье, могли бы приходить туда для молитвенного поклонения ей, а остальные возносили бы свои молитвы всем новым мученикам, первыми из которых

стали Царственные страдальцы. Ведь, по молитвам верующего народа, мощи имеют обыкновение сами являть себя.

Я очень посоветовал бы Н. Розановой хорошо поразмыслить над этим мнением Великого князя хотя бы для того, чтобы избавиться от более чем сомнительных «богословских» постулатов, коими пестрит 4-я глава её книги. В основу этих постулатов Н. Розанова кладёт определение VII Вселенского Собора, которое гласит: «...осмеливающиеся отвергать что-либо из того, что посвящено Церкви, будет ли то Евангелие, или изображение креста, или иконная живопись, или святые останки мученика (выделено Н. Розановой. – З.Ч)... таковые, если это будут епископы или клирики, были бы низлагаемы, если же будут иноки или миряне, были бы отлучаемы» (С. 212).

Поскольку основную массу тех, кто не признал постановления Правительственной комиссии по идентификации екатеринбургских останков, составляют как раз «епископы, клирики, иноки и миряне», то угроза низложения и отлучения звучит не просто устрашающе, но даже катастрофически. Потому что, исходя из текста анафематствований, возглашаемых в первое воскресенье Великого поста (праздник Торжества православия), все эти несчастные «низложенные и отлучённые» подлежат, к тому же, как отвергающие установления Вселенских Соборов, ещё и преданию анафеме!

Спешу успокоить тех, кто мог ненароком устрашиться нависших угроз, а заодно пристыдить незадачливого «бого-

слова»: в цитируемом соборном определении говорится об «осмеливающихся отвергать что-либо из того, что *посвящено Церкви*». А Церкви посвящено только то, что ею самой признано в качестве святыни. Может быть, Н. Розановой известна какая-то закрытая информация о признании Церковью екатеринбургских останков в качестве мощей? Едва ли. Поэтому можно смело обвинять её в прямом подлоге!

Н. Розанова подвергает беспощадной критике своих оппонентов, не признающих или оспаривающих официальную версию об останках. Она громит церковного археолога С.А. Беляева, журналиста П.А. Мурзина, профессора В.Л. Попова, академика В.В. Алексеева, члена Госкомиссии А.К. Голицына и многих других. В отношении академика В.В. Алексеева она опускается до мелочных обвинений, откровенно намекая на то, что этот крупный историк требовал проведения исторической экспертизы из сугубо корыстных соображений: «Кроме сомнительных предложений, – пишет Н. Розанова, – все письма В.В. Алексеева отличались и типичными дополнениями: *“Для проведения... исследований группой научных сотрудников нашего института потребуются финансирование в 60–80 млн руб.”*» (С. 356). А что особенного в том, что директор научно-исследовательского института требует дополнительного финансирования для своего учреждения, которому заказываются внеплановые исследования?

Могу себе представить, что бы она написала про своих

оппонентов, если бы они, а не милые её сердцу Авдонин и Рябов рассорились из-за денег, которые им предлагали для раскопок останков соперничавшие между собой губернаторы Э. Россель и А. Тулеев! Н. Розанова цитирует в своей книге воспоминания некоего Г.П. Васильева, который пишет: «Г.Т. Рябов изначально принял решение не участвовать в раскопе из-за того, что А.Н. Авдонин отверг его предложения провести вскрытие захоронения под патронатом Амана Тулеева, который обещал Гелию Трофимовичу для этих целей миллионы рублей против 200 тысяч, обещанных Э. Росселем» (С. 220). Это обстоятельство ничуть не мешает Н. Розановой утверждать, сравнивая Г. Рябова ни более ни менее как с великим археологом Г. Шлиманом, что «Гелий Рябов, как и Генрих Шлиман, использовал дарованные ему судьбой особенные жизненные обстоятельства не для корысти, а для достижения благородной цели» (С. 212)!

Серьёзных упреков заслуживает Н. Розанова ещё и по части маленьких хитростей, эдаких негромких фальшивых ноток, которые во многом напоминают соловьёвские приемы подспудного воздействия на сознание людей, не верящих в подлинность останков.

Особенно ярко этот приём прослеживается в подборе иллюстративного материала. Общеизвестно, что Российский Императорский Дом и Российское Дворянское собрание поначалу с интересом отнеслись к идентификации найденных под Екатеринбургом останков в надежде на то, что процесс

исследования прольёт свет на тайну обнаруженного захоронения. Именно поэтому Великая княгиня Леонида Георгиевна неоднократно посещала судебно-медицинские лаборатории в Екатеринбурге и Москве и выслушивала мнения специалистов, а князь А.К. Голицын, основатель и предводитель Российского Дворянского собрания, согласился войти в состав Правительственной комиссии по идентификации екатеринбургских останков и проработал в ней до самого её роспуска в 1998 году. Однако по ходу расследования стали выявляться одна за другой пресловутые фальшивые ноты. В результате Российский Императорский Дом и Российское Дворянское собрание солидаризировались с Церковью и отказались признать подлинность останков.

А что мы видим на иллюстративных вклейках книги Н. Розановой? Вот фотография Великой княгини Леониды Георгиевны в Свердловском областном бюро судебно-медицинской экспертизы, а под ней надпись о том, что Великая княгиня «верит в подлинность останков». Автор не поясняет, почему же, веря в подлинность останков, Великая княгиня в день похорон оказалась не в Петропавловской крепости, а в Троице-Сергиевой лавре на панихиде, которую служил Патриарх Алексий II? Маленькая хитрость? Да. Авось кто-нибудь да клонет!

А вот фотокопия какого-то старинного документа. Читаем: «КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ. Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред святым Его Евангелием...» Краси-

вые слова клятвы в верности Государю Императору и в безупречном служении Отечеству. Подпись – И.А. Сергеев. Кто такой И.А. Сергеев? Это один из первых вместе с Н.А. Соколовым следователей, по свежим следам изучавших обстоятельства гибели Царской Семьи. А почему же не приводится такая же типовая клятва, которую по долгу службы непременно должен был дать в своё время и Соколов? Потому что её никто не искал по архивам. Дело в том, что симпатии «фальшивонотчиков» целиком на стороне Сергеева, который, в отличие от Соколова, вовсе не интересовался этническим составом команды расстрельщиков и ритуальной стороной злодеяния!

Но в одной иллюстрации Н. Розанова допустила непростительный промах! Цветная фотография изображает «динамичную» фигуру её любимого следователя по особо важным делам В.Н. Соловьёва. Того самого, который смиренно искал мудрых советов у старца Илия, молился перед написанной по собственному заказу иконой Цесаревича с птичкой и благодарил «Господа за услышанные молитвы о Царской семье и её слугах». На фотографии «усердный богомолец» встречает Святейшего Патриарха Алексия II у трапа вертолётa и в сердечном приветствии... крепко жмёт ему руку! Оказывается, иногда можно петь и нефальшиво...

И, наконец, не могу оставить без внимания ещё одну фальшивую ноту г-жи Н. Розановой. В 6-й главе своей книги она сообщает о настойчивых ходатайствах её единомыш-

ленников, пытающихся убедить биологических родственников Императорской Семьи Тихона Куликовского, графиню Ксению Шереметеву, герцога Файфа и Николая Романова предоставить образцы своей крови для сравнительной экспертизы. Она приводит письменные обращения к этим людям, подписанные В.О. Плаксиным, П.Л. Ивановым, А.Е. Себенцовым и Ю.Ф. Яровым. В этом же ряду сообщается и о моём письме на имя Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Виталия, в котором я прошу его воздействовать на Т.Н. Куликовского, чтобы он согласился дать свою кровь. Но дело в том, что, в отличие от всех остальных, цель моей просьбы заключалась не в подтверждении версии о подлинности останков, а в её опровержении, поскольку к этому времени я уже вдоволь наслушался фальшивых нот и аккордов! Для читателя, однако, этот существенный нюанс так и останется неизвестным. Он будет уверен, что «свое личное прошение митрополиту Виталию написал и член Дворянского собрания З.М. Чавчавадзе» (С. 315) исключительно для того, чтобы помочь вышеуказанным «фалыпивонотикам» довести своё чёрное дело до логического завершения. А жаль!

А разве у читателя книги Н. Розановой не возникнет уверенности в том, что теперь (наконец-то!) и Русская Зарубежная Церковь признала подлинность останков, когда он ознакомится с предваряющим книгу вступлением епископа Штутгартского Агапита? Разумеется, да! Особенно после

того, что в этом вступлении «фальшивонотчики» названы «подвижниками правды», которые «в результате кропотливой работы» сумели отыскать мученические останки. У меня дрожь проходит по коже, когда я представляю себе Рябова, Соловьёва, Немцова и прочих «искателей истины» в белых ризах «подвижников правды»!

Но мне всё-таки хочется подпортить автору книги ощущение крупной удачи с подключением в свой лагерь епископа Агапита. Во-первых, в своём вступлении владыка нигде однозначно не высказывается о своей безусловной уверенности в подлинности останков, а говорит только, что «искать истину мы должны». Во-вторых, мнение викарного епископа, не входящего в состав Синода Русской Зарубежной Церкви, ни в коей мере не может ассоциироваться с позицией самой Зарубежной Церкви.

Мне довелось беседовать по этому поводу не с последними лицами из священноначалия РПЦЗ. Они говорили мне, что ни Первоиерарх этой Церкви, ни члены её Синода вообще не осведомлены о публичном выступлении их епископа. И обещали выяснить, испрашивал ли он на это благословение своего правящего архиерея, архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка. А под конец беседы сказали:

– Пришлите нам, пожалуйста, либо саму книгу, либо ксерокопию вступления владыки Агапита. Потому что за всю его священническую и архиерейскую карьеру им не было на-

писано ни одной строчки. А тут целое вступление к книге! Поскольку мы не очень уверены, что из-под его пера ещё что-либо когда-нибудь появится, нам очень хотелось бы сохранить этот уникальный документ.

* * *

В заключение напомним о приближающейся крупной исторической дате – 400-летию окончания первой русской смуты и воцарения на российском престоле Дома Романовых. Не сомневаюсь, что в рамках подготовки к этому юбилею и непосредственно в ходе самого празднования ситуация с захороненными в притворе Петропавловской крепости останками всплывёт с неотвратимой неизбежностью. Как же отреагируют на неё Священноначалие нашей Церкви и государственная власть?

За несколько месяцев до восшествия на престол Предстоятелей нашей Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл дал подробное интервью, в котором всесторонне обосновал позицию Русской Православной Церкви в отношении проблемы екатеринбургских останков и непризнания их в качестве святых мощей Царственных Страстотерпцев. Текст этого интервью публикуется в Приложении к настоящей книге, и я очень рекомендовал бы ознакомиться с ним В. Соловьёву и Н. Розановой, как, впрочем, и другим людям, декларирующим свою православность и вер-

ность Церкви, но при этом дерзающим публично оспаривать её официальную позицию.

Главное их заблуждение (независимо от того, сознательное оно или несознательное) состоит в том, что они отказываются принять в расчёт мудрое и взвешенное отношение Церкви к вопросу о мощах. Наличие или отсутствие мощей ни в коей мере не влияет на почитание Церковью тех или иных угодников Божиих. Когда святые мощи являют себя с несомненной достоверностью, то Церковь поощряет поклонение им ради обретения сугубой духовной помощи и заступничества. Однако при малейших сомнениях она принимает принципиальное решение, оставляя вопрос открытым в ожидании благовремени. И делается это по *единственной* причине: поклонение лжемощам есть величайший грех святотатства и кощунства. Эта непреложная истина раскрыта в интервью Святейшего Патриарха со всей очевидностью и убедительностью.

Хочется верить, что ею проникнутся не только «фальшивоточки», но и люди, облечённые властью на всех уровнях. А ещё очень хочется верить, что эпоха тотального богоборчества прошла безвозвратно, уступив место тем временам, когда высшая государственная власть будет, наконец, обязана посчитаться с мнением Церкви – единственным общественным институтом, имеющим абсолютное и нераздельное право определять, что есть святыня, а что – нет.

К счастью, среди нынешних государственных мужей уже

не просматриваются наглые и безапелляционные политики типа Немцова, Ярова и иже с ними. Но найдутся ли дерзновенные, добропорядочные и объективные деятели, которые захотят, чтобы исторические правда и справедливость восторжествовали на государственном уровне? И достанет ли им мужества признать, что захоронение псевдоостанков в 1998 году стало той самой великой ошибкой, которая «хуже преступления»? Ведь ни для кого не секрет, что совершил её вполне сознательно и от лица государства тогдашний первый вице-премьер Б. Немцов, который опустил сегодня до банального уличного хулиганства в своём неприкрытом стремлении к сеянию новой смуты ради низложения существующей государственной власти!

Я хорошо помню свои беседы с этим ностальгирующим ныне по лихим 90-м годам «хулиганом» (такovým было недавнее определение мирового судь), равно как и с его коллегой на посту главы Правительственной комиссии по идентификации останков Ю. Яровым. Обоих я тщетно пытался убедить в необходимости открыть государственные архивы, в том числе президентский и все прочие, относящиеся к спецслужбам. Только там, по мнению авторитетных политиков и учёных, можно было отыскать если не всю правду о Екатеринбургской трагедии, то, по крайней мере, ту её существенную часть, которая способна пролить свет на многие запутанные и спорные вопросы.

Апломб и категоричность, с которыми эти главы Комис-

сии отклоняли даже просто саму постановку вопроса о необходимости открытия государственных архивов, давно утративших всякую актуальность в закрытости своего статуса, тоже отдавали изрядной фальшивостью. Мы не раз обсуждали эту тему с автором настоящей книги А.К. Голицыным. Он весьма убедительно говорил о странных «двойных стандартах», когда, по решению высшей государственной (законодательной и исполнительной) власти, архивы, хранящие гораздо более близкую по времени информацию, открывают свои секреты в угоду зарубежным, далеко не дружественным России стран, а старые архивы, могущие послужить гражданскому миру внутри нашего общества, так и остаются наглухо закрытыми!

Действительно, как объяснить, что Польша получила исчерпывающую правду о событиях под Катынью, а нашей российской общественности отказано в возможности узнать истину о событиях под Екатеринбургом?! Невольно напрашивается вывод: правда о катыньской трагедии позволяет заклеить Сталина как главного виновника большевистского произвола, а правда о екатеринбургском злодеянии может показать, что он, оказывается, всего лишь не более как продолжатель этого произвола.

То же самое следует сказать и о суперзасекреченных архивных материалах, связанных с приложениями к известному пакту Молотова – Риббентропа. Они почему-то легко переправляются за рубеж и становятся лёгкой добычей не

столько антисоветской, сколько антирусской западной пропагандистской машины. А вот моей жене, снимавшей российский документальный фильм о позорном Брест-Литовском мире и искавшей соответствующие исторические материалы в наших архивах, было отказано под сомнительным предлогом их «полного отсутствия». К счастью, ей удалось найти эти материалы в Австрии и Германии, но суть дела от этого не меняется: если надо доказать коварство Сталина, то – пожалуйста, милости просим, а если вы собираетесь чернить Ленина или Троцкого, то – ни-ни!

Эти «двойные стандарты» вполне вписываются в ряд тех самых фальшивых нот, о которых я говорил выше. Остается только надеяться, что нынешняя власть, столь активно декларирующая переустройство государственной жизни на основе «истинно демократических правовых принципов», прислушается к здравому голосу нашей Церкви и положит конец фальсификациям и подтасовкам в исследовании посмертной судьбы святых всероссийских Новомучеников – невинных Царских страдальцев.

Их же молитвами и заступничеством да воцарится на Русской многострадальной земле благословенный мир и правда Божия!

* * *

P.S. А.К. Голицын упоминает в своей книге нынешнего

главу Следственного комитета РФ А. Бастрыкина, написавшего в 1998 году, в бытность его научным сотрудником одного из научно-исследовательских институтов в Петербурге, статью, в которой в резкой форме раскритиковал работу Комиссии по идентификации екатеринбургских останков с точки зрения юридической обоснованности проведённых следственных и процессуальных действий. В частности, он корил следствие в том, что, игнорируя элементарные правила криминалистики, оно «велось только по одной версии, другие версии не выдвигались и не проверялись, а попытки специалистов предложить их отвергались».

В заключение своей статьи доктор юридических наук А. Бастрыкин категорически потребовал дополнительной проверки объявленных результатов «путём производства дополнительного расследования».

Теперь, став крупным государственным чиновником, он, по-видимому, «решил» уверовать в подлинность останков без всяких «дополнительных проверок»!

Такова первая фальшивая нота г-на Бастрыкина.

А вторая заключается в следующем. Готовя первое издание этой книги к публикации, мы с А.К. Голицыным обратились весной 2010 года к г-ну Бастрыкину, возглавлявшему тогда Следственный комитет при Генеральной прокуратуре, с официальным письмом, в котором просили его о встрече для выяснения мотивов, побудивших его столь смело «проигнорировать конъюнктурные соображения и отважно вы-

ступить в защиту профессионального подхода к важному государственному делу».

Мне доподлинно известно, что, прочитав письмо, г-н Бастрькин сказал своему ближайшему окружению:

– Это – очень серьёзное и важное дело. Непременно встречу с авторами письма после моего возвращения из отпуска.

Однако по его возвращении из отпуска никто нас так и не пригласил. По прошествии ещё двух месяцев мы получили письмо, в котором некий представитель его аппарата извещал нас о том, что Александр Иванович никак не может с нами встретиться по причине крайней занятости.

С кем же консультировался отважный и непреклонный профессор Бастрькин в течение этих двух с лишним месяцев, чтобы в одночасье превратиться в робкого и послушного чинушу, не пожелавшего остаться верным своему профессиональному долгу и смирившегося с выводами, сделанными, по его же словам, «наперекор элементарным правилам криминалистики»?!. Очень не хочется верить, что весь этот переворот в сознании г-на Бастрькина осуществлён состоящим ныне в его подчинении столь же непрофессиональным, сколь и амбициозным следователем по особо важным делам В. Соловьёвым! Ведь ещё сравнительно недавно он клеймил последнего за профнепригодность и игнорирование элементарных процессуальных норм ведения следствия. Впрочем, учитывая скандал вокруг более чем странных предложений главы Следственного комитета по части трудоустройства де-

путата Госдумы А. Хинштейна, вполне можно допустить и такой вариант.

Помимо избличения новоявленного «фальшивонотчика» в лице г-на Бастрыкина, не могу не отреагировать в этом постскриптуме на интервью В. Соловьёва, опубликованное 25 января 2011 года в газете «Известия».

В нём следователь по особо важным делам теперь уже Следственного комитета пополнил череду своих фальшивых нот новыми, не менее звучными.

Отстаивая непричастность Ленина и Свердлова к решению об убийстве Царской Семьи, он утверждает, что «на сегодня нет ни одного достоверного документа, который бы доказывал их инициативу» в этом злодеянии. А заглядывал ли этот следователь в президентский архив? Уверен, что, учитывая вовсе не преклонный возраст г-на Соловьёва, ему ещё придётся краснеть за подобные утверждения, когда этот архив окажется наконец рассекреченным! Впрочем, как это ни парадоксально, в самом интервью содержатся логически неопровержимые доказательства того, что приказ о расстреле шёл из Москвы.

В. Соловьёв говорит о направлении в Тобольск специального комиссара Василия Яковлева с чётким заданием «живыми доставить членов царской семьи сначала в Екатеринбург», а потом в Москву. При этом у Яковлева имелся «мандат за подписью Ленина и Свердлова, предписывающий расстреливать на месте всякого, кто попытается помешать ему

выполнить задание». Почему же тогда не расстреляли Юровского и иже с ним?! Разве они, расстрелявшие Царскую Семью, не помешали Яковлеву «выполнить задание»?! Кому вешает лапшу на уши В. Соловьёв? Кто ему поверит, что такие жестокие и мстительные диктаторы, как Ленин и Свердлов, могли впоследствии «официально одобрить» столь наглое нарушение их собственноручно подписанного строжайшего приказа?!

Делая наивный вид, будто уральские самочинные большевики во главе с Юровским вероломно нарушали кремлёвские инструкции, В. Соловьёв приводит в доказательство этой версии расстрел Юровским двоюродного брата Ленина Владимира Ардашева и его сына Георгия. Хотел бы в связи с этим сообщить историку-самоучке Соловьёву, что верно-подданные Ардашевы происходили из семьи, которая предала семейной «анафеме» всех своих родственников по линии Ульяновых ещё тогда, когда выяснилось, что старший брат Ильича Александр покушался на цареубийство! Этим обстоятельством, кстати говоря, и объясняется факт участия Владимира Ардашева в организации на Урале мирной демонстрации против разгона Учредительного собрания. И поэтому приводимый В. Соловьёвым эпизод с расстрелом Ардашевых может свидетельствовать только об обратном. А именно о том, что Юровский осуществил эту расправу с кузеном и племянником Ленина по прямому указанию последнего.

Интервью завершается словами: «Я храню останки наследника великой империи и великой княжны в качестве “вещественных доказательств”. Боюсь, что рано или поздно их придётся захоронить по общим правилам – среди “невысоброванных останков”».

Как же позволяет себе высказываться столь кощунственно верный сын Православной Церкви, на сто процентов уверенный в том, что располагает святыми мощами? Как он может допускать мысль о святотатственной передаче их для захоронения где-нибудь рядом с «невысоброванными останками» бомжей или других неопознанных, без вести пропавших людей? Ведь, по учению Церкви, никакие государственные законы и инструкции не подлежат исполнению её членами, если они вступают в противоречие с этим учением! Так что решайте, Владимир Николаевич, оставаться ли верным Церкви или «общим правилам»...

Князь З.М. Чавчавадзе

Часть I

Тайны следствия

«Дело» Н.А. Соколова против «Записки» Юровского – Покровского

17 июля 1918 года в подвале дома инженера Ипатьева большевиками были зверски умерщвлены Император Николай II и Его Августейшая Семья.

На протяжении всех последующих лет, во все советские годы, не переставала распространяться ложь и клевета вокруг имени Государя, которого большевистская пропаганда превратила в злодея, в корыстного, жадного и жестокого властелина. В предисловии к сочинению некоего Марка Касвинова под названием «Двадцать три ступени вниз» автор предисловия написал: «Уже при жизни он (Николай II) заслужил ненависть народа и позорную кличку “Кровавый”». Сам Касвинов заканчивает своё повествование словами: «Страшен был конец Романовых. Но, как было однажды замечено, ужас их смерти бледнеет перед ужасом их жизни». «Советский энциклопедический словарь», издания 1980 года, о Государе выдаёт такую справку: «Находился под влиянием реакционных, политических и религиозных деятелей, аван-

тюристов».

Цитировать такую мерзость можно без конца. Известно, что большевистские правители, начиная с самого «вечно живого», питали лютую ненависть к Государю, ненависть, которую они стремились внедрить в сознание граждан порабощённой ими страны, оправдывая тем самым своё собственное злодейство.

В какой-то степени побуждал к тому страх перед Государем, ибо память о нём в народе не иссякала, и не случайно поэтому в канун шестидесятилетия большевистского переворота и грядущей вослед таковой же годовщины екатеринбургского злодеяния дом Ипатьева срочно, в одну из тёмных ночей, был снесён. В секретном постановлении ЦК КПСС за подписью тогдашнего шефа КГБ Андропова, в частности, говорилось: «Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются разного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в городе Свердловске. В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться, и дом Ипатьева станет объектом их серьёзного внимания».

Б.Н. Ельцин, в то время первый секретарь Свердловского обкома партии, в книге «Исповедь на заданную тему» писал: «Получаю секретный пакет из Москвы. Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сно-

се дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен взять на себя всю ответственность за это бессмысленное решение». Но это Ельцин писал уже сидя в президентском кресле, а в те годы упорно ходили слухи о его активном участии в сносе особняка. В 1990 году русская газета в Аргентине «Наша Страна» напечатала маленькую заметку, в которой говорилось: «Выдающийся теперь себя за демократа, бывший член номенклатуры, коммунист Борис Ельцин был интервьюирован в программе французского телевидения “Апостроф”. Отвечая на вопрос ведущего передачу Бернара Пиво, Ельцин признался, что в 1977 году он отдал приказ снести Ипатьевский дом, в котором были убиты Царь Николай II и его Семья. “Я поступил так, – цинично объявил нынешний народный депутат, – чтоб этот дом не превратился в место паломничества”»³. А генерал Дмитрий Волкогонов пишет: «Борис Ельцин, будучи местным секретарём партии, старательно выполнил приказ». Конечно, в «Исповеди» Ельцин себя всячески обеляет. Он как бы подтверждал «обеспокоенность» в Политбюро ЦК партии тем, что к дому Ипатьева интерес растёт, но сам нервозности оного будто бы не разделял. «Я к этому относился совершенно спокойно, – пишет Ельцин, – поскольку понятно было, что интерес этот вызван не монархическими чувствами, не жадой воскресения нового царя. Здесь были совсем другие мотивы – и любопытство, и сострадание, и дань

³ Наша Страна. 1990. № 2077. 26 мая.

памяти, обыкновенные человеческие чувства». И добавляет: «Я хорошо себе представлял, что рано или поздно всем нам будет стыдно за это варварство».

Может быть, «представлял», может быть, сам лично от-носился «спокойно» к тому интересу, который, в связи с приближавшейся памятной датой, проявлялся к месту гибели последнего русского Царя. Но то, что касается непосредственно особняка Ипатьева, то он, особняк, до своего разрушения вниманием спецслужб обойдён не был, и вряд ли без указаний на то со стороны областной партийной верхушки. На самом деле дом бдительно охранялся, за всеми «подозрительными» лицами, кто задерживался около особняка и обращал на себя внимание «нездоровым» любопытством, велась слежка.

Мне самому в этом довелось убедиться. В тот год, в июле мы с моим близким другом литератором Борисом Всеволодовичем Шуплецовым совершили поездку по уральским местам. В Екатеринбурге, тогдашнем Свердловске, мы прожили неделю. Что дом Ипатьева находится под надзором, нам было известно от наших свердловских знакомых, поэтому первый раз на разведку мы отправились под вечер. Обошли дом несколько раз вокруг, постояли у полукруглого окна, заложённого кирпичом, за которым находилась та самая комната в подвале, но никаких сотрудников «в штатском» не заметили и, надо сказать, осмелели, решив, что, как говорится, у страха глаза велики. На следующий день приехали с утра,

вооружившись фотоаппаратом. Солнце уже припекало. Мы остановились в тени под деревьями на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, размышляя о том, откуда лучше снимать с тем, чтобы не обращать на себя особого внимания, в то же время наблюдая за происходящим вокруг. Прямо над нами окно. Это угловая комната, где жили Их Величества и Наследник Престола. Дальше по фасаду парадный подъезд, через который в дом инженера Ипатьева вошла Царская Семья, привезённая из Тобольска. За парадным входом ворота во внутренний двор. Сюда был подан грузовик в тёмную ночь 17 июля 1918 года. Ничего подозрительного замечено нами не было. Какие-то люди появлялись с разных сторон, но не задерживались и проходили мимо, никак на особняк Ипатьева не реагируя. И на нас тоже. В доме размещалось какое-то учреждение, имеющее отношение то ли к Союзпечати, то ли к почтовому ведомству, во всяком случае, какого-то очень нейтрального свойства. Когда план действий у нас созрел, мы разделились. Борис Всеволодович отправился обозревать дом со стороны, противоположной Вознесенскому переулку, минуя ворота, через которые в ту тёмную, трагическую ночь на Ганину Яму ушёл грузовик с трупами, а я, стараясь внешне выглядеть совершенно непринуждённо, вошёл через парадный подъезд внутрь особняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.